

Свадьба в замке Кингсמיד

Автор:

[Энни Берроуз](#)

Свадьба в замке Кингсמיד

Энни Берроуз

Исторический роман – Harlequin #73

Мэри – красивая скромная девушка и самая искусная мастерица в модном ателье. Она без устали работала, не ожидая от жизни никаких перемен. Однажды на одной из улиц Лондона ее окликнул молодой человек в дорогом костюме, девушка испугалась и бросилась бежать. Однако лорд Мэттисон все же отыскал Мэри и заявил, что она Кора, его невеста, пропавшая семь лет назад. Девушка настаивала на том, что она всего лишь белошвейка Мэри, но не помнит, откуда она и как оказалась в Лондоне. Мэттисон, горячо любивший свою невесту, решил во что бы то ни стало разгадать тайну Мэри. Но для этого они должны вернуться в замок Кингсמיד...

Энни Берроуз

Свадьба в замке Кингсמיד

Devilish Lord, Mysterious Miss

Copyright © 2009 by Annie Burrows

«Свадьба в замке Кингсמיד»

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

Лорд Мэттисон схватился за ограду, чтобы не упасть, и, часто моргая, уставился на фасад дома, где жила мисс Уинтерс.

Со своей тщеславной матерью.

Со своим злобным отцом.

Лорд Мэттисон понятия не имел, как оказался на Керзон-стрит у дома этой бесстыдной интриганки, лишившей его последней крупницы надежды.

Конечно, он был пьян. Он здорово набрался еще до полуночи. Впрочем, после всего, что он пережил за последнюю неделю, мудро было не напиться. Любой мужчина на его месте дошел бы до ближайшей винной лавки и взял бутылку джина. Хотя последние семь лет он тщательно избегал такого способа забыться, но ему вдруг перестало везти в карты, и он три ночи кряду спускал по пятьсот гиней – и вот воздержанию пришел конец.

– Кора, – в отчаянии простонал он, боль утраты вдруг кольнула его с такой силой, какой ему еще не доводилось почувствовать со дня ее исчезновения.

Все этот предательский джин! Он обещал забвение, а вместо этого лишил его способности хотя бы внешне сохранять невозмутимость. Мэттисон надеялся хоть как-то успокоиться, впрочем, похоже, он рухнет в какую-нибудь канаву. А может, все же доползет до дома. Он и представить себе не мог, что окажется таким крепким, что сможет держаться на ногах до самого рассвета. И уж никак не ожидал, что эти ноги приведут его туда, где ему меньше всего хотелось бы оказаться.

– Я все равно на тебе не женюсь! – крикнул Мэттисон, потрясая кулаком в сторону наглухо закрытых окон.

Проходившая мимо молочница с подозрением посмотрела на него и шарахнулась в сторону. Не обращая на нее внимания, Мэттисон решительно выпрямился. А почему, собственно говоря, его должно волновать падение мисс Уинтерс?

Разве это он заманил ее в кабинет отца, распустил ей волосы и сдернул вниз лиф платья? Нет, она сделала это сама. А потом прильнула к нему как раз в тот момент, когда дверь распахнулась, и перед всеми предстала картина того, что должно было выглядеть как страстное объятие.

Правда, теперь ей уже не так сильно хотелось выйти за него замуж. Мэттисон невесело рассмеялся. Ему быстро удалось стереть с ее лица победоносную улыбку!

– Значит, вы желаете поиграть с дьяволом? – спросил он, схватив ее за плечи, когда она попыталась вырваться.

– Вы делаете мне больно! – возмутилась она, и в ее взгляде появилась некоторая неуверенность.

– Но я именно такой, – произнес он. – Разве до вас не доходили слухи? Когда я появляюсь в салоне, всех девиц и чувствительных дам бросает в дрожь от страха. И я бы сказал, не без основания.

«Неужели она действительно ничего не знает?» – подумал Мэттисон, заметив ее смущение. Что ж, вполне возможно. Это семейство не вращалось в высшем свете, и ее мать не располагала нужными знакомствами и не была осведомлена о ходивших в свете сплетнях касательно его персоны. Они сумели обзавестись домом в модном районе, но мисс Уинтерс никогда не получила бы рекомендаций, необходимых для членства в клубе «Олмакс».

– Возможно, вас ввело в заблуждение то, что меня по-прежнему всюду приглашают? – предположил он. – Весьма наивно с вашей стороны. Но раз уж вы не знакомы с правилами высшего общества, я вам объясню. Есть люди, которые игнорируют мою репутацию из-за огромного богатства, которое я получил, заключив сделку с дьяволом. Они не предъявляют ко мне никаких претензий по

этому поводу, поскольку мое положение достаточно высоко, чтобы позволить им закрыть на это глаза. Но они ни за что не позволят мне приблизиться ни к одной из своих дочерей.

Есть и другие, которых восхищает окружающая меня атмосфера зла. Они испытывают восторг, когда имеют возможность рассказывать другим, что у них хватает смелости приглашать на свои скучные приемы человека, убившего свою невесту. О-о... – сказал он, когда на ее лице отразился ужас. – Так вы не слышали? Ни о том, что я заключил сделку с дьяволом, ни о том, что я был обручен много лет назад? С невинной и ничего не подозревающей мисс Монтегю...

Внезапно у Мэттисона возникло ощущение, что он богохульствует, произнося ее имя и держа в объятиях другую женщину. Он отпустил дрожащую мисс Уинтерс, но остался стоять рядом. Он еще не закончил!

– Ее тело так и не нашли, – продолжил он, – поэтому меня не смогли отдать под суд. Но поскольку обвинителем выступил мой лучший друг, человек, знавший меня с детства, то все решили, что наверняка это сделал я. Понятно?

Мисс Уинтерс потеряла плечо в том месте, которое он сжимал, но Мэттисон не чувствовал ни малейших угрызений совести. Он намеренно отбросил маску холодной невозмутимости, которую обыкновенно надевал, чтобы скрыть свое душевное состояние, и выплеснул на нее всю свою горечь.

– С того дня, когда она исчезла, на меня снизошло феноменальное везение за карточным столом. Разве это не доказательство того, что я запятнал душу невинной кровью? Удивляюсь, – раздраженно продолжал он, – почему люди до сих пор садятся со мной играть, если знают, что я не могу проиграть. И точно так же мне непонятно, – не в силах сдержать свою ярость, Мэттисон медленно двинулся в ее сторону, – с чего вы взяли, что ваша маленькая хитрость возымеет на меня действие. Вы же не ждете, что человек с такой черной душой, как у меня, даст в «Морнинг пост» сообщение о помолвке только потому, что его застали в компрометирующем положении с незамужней девицей?

Мэттисон полагал, что на этом все закончится. Последнее, что он видел, – это как она, всхлипывая, вылетела из комнаты и бросилась в объятия матери. Его губы изогнулись в циничной усмешке, когда он вспомнил, что бежать ей

пришлось совсем недалеко. Ее мать поджидала прямо за дверью.

Так или иначе, но мисс Уинтерс определенно оставила свое намерение выйти за него замуж.

Однако намерения ее отца оказались тверже.

– Послушайте! – рявкнул он, ворвавшись к Мэттисону позже, тем же вечером. – Вы не можете так просто компрометировать юных девиц, а потом запугивать их сказками в духе готических романов!

– О чем это вы? – лениво протянул Мэттисон, не удосужившись даже поднять глаза от колоды карт, которую он перетасовывал.

– Вы все прекрасно понимаете! Как джентльмен, вы обязаны просить руки моей дочери!

– Об этом не может быть и речи, – ответил Мэттисон. Держа колоду в правой руке, он привычным ловким движением разделил ее на две части и положил нижнюю часть поверх верхней. – Я уже обручен.

Это утверждение озадачило мистера Уинтерса, но не более чем на пару секунд.

– А-а... Вы имеете в виду ту девицу Монтегю!

Услышав, как этот человек походя произносит ее имя, лорд Мэттисон почувствовал себя так, словно его пронзила молния. И когда мистер Уинтерс произнес: «Она же мертва, верно?» – карты выпали из его руки и в беспорядке рассыпались по столу.

Он встал, быстро прошел по комнате и, опершись рукой на оконную раму, невидящим взглядом уставился на шумную улицу, стараясь справиться с желанием нанести своему визитеру существенный физический урон.

– Да, – в конце концов произнес он с ледяным спокойствием. Потому что никто лучше его не знал, что Кора ушла в мир иной. – Полагаю, формально вы можете утверждать, что я свободен и могу жениться. Но поскольку тело так и не

удалось найти, ее семья предпочитает считать мисс Монтегю пропавшей. И следовательно, я до сих пор связан с ней законными узами. – И гораздо крепче, чем мог себе представить любой смертный.

На алчном лице мистера Уинтерса расплзлась неприятная улыбка.

– Тогда нам надо просто снять с вас эти узы законным порядком, верно? И у вас больше не будет повода отказываться поступить с моей дочерью так, как полагается поступать с порядочной женщиной.

Мэттисон не успел высказать свое мнение о том, что из его дочери никоим образом невозможно сделать порядочную женщину ввиду ее двуличной природы, как мистер Уинтерс заявил:

– Мне не важно, сколько это будет стоить и сколько займет времени. Я добьюсь того, что мисс Монтегю официально признают умершей. И тогда, милорд, мы до вас доберемся!

С тех пор прошло три дня. Три дня с тех пор, как мистер Уинтерс объявил, что намерен начать разбирательство, которое должно снова убить Кору Монтегю.

Но он не знал Робби Монтегю. Старину Робби. Мэттисон поморщился и, сложив руки на груди, оперся об ограду.

Робби едва ли согласится с мнением мистера Уинтерса, что пришло время отпустить его сестру, устроив погребальную службу и установив надгробный камень. Робби никогда не даст ему снова стать свободным и жениться. Он не позволит, чтобы в Кингсмиде зазвучали детские голоса. И раз уж Робби не удалось отправить его на виселицу, то у него осталась одна радость – навсегда связать ему руки с помощью закона.

Появление на улицах большого числа торговцев, толкающих перед собой тележки в направлении больших домов, говорило Мэттисону о том, что приближается рассвет. Рассвет четвертого дня. Его ухмылка сменилась гримасой отчаяния. Уже три ночи подряд после того, как мистер Уинтерс объявил войну памяти о Коре, он много проигрывал в карты.

Прошлой ночью он наконец-то понял, что это значит.

Проклиная несчастливый жребий, Мэттисон бросил на зеленое сукно содержимое своего кошелька и вышел из игорного дома на улицу. Нужно было чем-то успокоить душу. От внезапно охватившего его ужаса сердце колотилось так часто, что пришлось немного постоять, держась за дверную ручку.

Однако совсем не проигрыш так взволновал Мэттисона. Уже давно не финансовая необходимость заставляла его вечер за вечером усаживаться за карточный стол. Это была потребность совершенно иного рода.

– Кора, – снова позвал он в пустоту ночной улицы. – Я больше не могу! – Но даже эхо не нашлось что ему ответить.

Ее не было.

Впервые за семь лет Мэттисон не чувствовал ее присутствия. Нигде.

Он проклинал миссис Уинтерс за то, что она вместе с дочерью подстроила эту западню, скомпрометировавшую его. Он проклинал мисс Уинтерс, прижимавшуюся губами к его рту в жалкой пародии на поцелуй. И он проклинал мистера Уинтерса за то, что тот говорил о Коре как о ком-то, кого уже можно не принимать во внимание. Этим троим удалось сделать то, что было не под силу даже смерти.

Они заставили ее уйти.

Мэттисон никогда никому не рассказывал о том, что Кора преследовала его. Его сочли бы сумасшедшим. Черт, да он и сам нередко начинал сомневаться в своем душевном здоровье!

Но прошло всего несколько дней с тех пор, как он в последний раз чувствовал прикосновение к ее теплой, нежной коже, чувствовал, как ее душа кружит где-то рядом с ним.

Он чувствовал это везде и всегда.

Вместе с обвинениями и проклятиями Робби, звучавшими у него в ушах. Мэттисона потрясло, когда Робби вдруг обвинил его в убийстве своей сестры.

– Если ты способен так думать обо мне, то заberi это! – крикнул он, швырнув Робби остаток тех денег, которые тот дал ему займы на свадьбу. – Я думал, что ты мне друг!

Кошелек упал на землю и остался лежать там.

– Похоже, у тебя полно друзей в этих краях, – презрительно произнес Робби. – Никто не смеет даже слова сказать против тебя. В отсутствие тела магистрат отказывается отдавать под суд единственного сына местного лорда.

Они продолжали обмениваться взаимными обвинениями, пока Робби не крикнул:

– Да будь ты проклят вместе со своим титулом! Убирайся вместе с ним в ад!

«Черт», – подумал Мэттисон. Да, он чувствовал себя как в аду. И, подобно большинству проклятых, пошел по пути намеренного самоуничтожения, поставив все, что осталось от приданого Кору, на лошадь, заведомо обреченную прийти последней.

Разглядывая участников скачек, он заметил лошадь, которую изо всех сил хлестал кнутом разъяренный жокей. Изо рта у нее шла пена, глаза не переставали безумно вращаться. Жокей снова стегнул ее, но так и не смог заставить выйти на линию старта.

«Эта лошадь больше не хочет здесь быть. Совсем как ты, – слышался ему милый голос Кору. – Несчастное создание».

Тогда-то Мэттисон и решил, что поставит злосчастные деньги на лошадь, которую она пожалела.

Когда лошадь пришла к финишу, намного опередив своего ближайшего соперника, он услышал довольный смех Кору. Мэттисон мог поклясться, что слышал его. И вдруг ясно представил себе, как она хлопает в ладоши.

Он в изумлении пошел назад туда, где делали ставки, чувствуя себя Иудой от мысли о горсти серебра, которая окажется в его руке. В следующем заезде он выбрал самую безнадежную клячу, которую смог отыскать, и, в попытке избавиться от невыносимого чувства вины, поставил все на нее. Он должен был избавиться от этих денег. Робби их проклял!

Мэттисон сделал ставку и, когда выбранное им ходячее несчастье проковыляло к старту, почувствовал, как Кора вздохнула. Проклятье, неужели он снова поставил на ту лошадь, которую она выбрала?! На этот раз он почти не сомневался в исходе заезда. За два фарлонга[1 - Ф а р л о н г - британская единица измерения длины, равная 220 ярдам (201 м).] до финиша выскочившая на поле лошадь без всадника заставила фаворитов резко остановиться, образовав затор, во время которого лошадь Кору обскакала их сбоку и пересекла финишную ленту первой.

Кора рассмеялась. Он ее слышал. Совершенно точно.

Шумная толпа зрителей вдруг сделалась призрачной, и в воспаленном сознании Мэттисона возник тот день, когда он наконец надел ей на палец кольцо.

- Теперь нас ничто не разлучит, - сказал он с хмурым удовлетворением. А потом, предваряя брачную клятву, добавил: - Кроме смерти.

- Даже она не сможет, - шепнула Кора, глядя на него с откровенным обожанием.

И в тот момент Мэттисон понял, что бы ни говорил Робби, она по-прежнему принадлежит ему. Он чувствовал, как она положила руку на рукав его сюртука и удержала его, когда в следующем заезде он едва не поставил все выигранные деньги на фаворита. «Хватит», - предупредила Кора. Слезы брызнули у него из глаз, потому что он чувствовал, что она слишком сильно любит его и не хочет видеть, как он безрассудной игрой губит свое будущее. И он ушел.

С того дня Мэттисон не делал ничего, не посоветовавшись с Корой. И чем больше он полагался на ее мнение, тем ближе она становилась.

Робби умчался назад в Шотландию, родители от него отвернулись, соседи смотрели с подозрением, а бывшие приятели обходили стороной.

Но Кора не покидала его.

Временами Мэттисон впадал в такое отчаяние, что думал: не последовать ли за ней в мир иной?

Но он видел, как она неодобрительно качает головой, и слышал ее голос, говоривший, что самоубийство – это смертный грех. Грех не смутил бы его, если бы позволил быть с ней вместе. Но внутренний голос подсказывал, что грешникам, подобным ему, закрыт доступ в ту часть загробного мира, где обитает Кора.

А раз так, раз он знал, что она не хочет, чтобы он это делал, Мэттисону приходилось жить, вернее, существовать дальше. Он не мог назвать это жизнью. Отрезанный от семьи, от друзей, он стал завсегдатаем самых грязных игорных притонов Лондона. Только их двери по-прежнему широко открывались перед ним.

Но даже там Кора не оставляла его. Она смеялась над ошеломленными лицами мужчин, у которых он выигрывал деньги, ценности и доли в судоходных компаниях.

Именно она заставила Мэттисона купить первый в его жизни прекрасный костюм и, отправившись в нем в клуб «Уайте», взглянуть на всех свысока. Она заливалась смехом, когда он вышел оттуда на двадцать тысяч фунтов богаче.

Он испытал удовлетворение, когда после смерти отца выкупил закладную на Кингсמיד. И еще, когда рассчитался по всем его долгам, заплатив деньгами, выигранными у тех самых людей, которые обобрали его неудачливого предка. С тех пор Мэттисон смог постепенно провести в своем поместье все те преобразования, о которых говорила Кора, когда побывала там. Возможно, арендаторы и шептались между собой о том, откуда у него взялись деньги, но им нравилось, что он обновляет их коттеджи и осушает низменности, чтобы повесить урожай.

Впрочем, Мэттисона не интересовало, что они о нем думают. Он делал это не для них, а для того, чтобы сделать приятное ей. Ее мнение, только оно имело для него значение.

Теперь Кора осталась единственной, с кем он чувствовал свою связь.

Пусть даже она была мертва.

Если это сводило его с ума, значит, так тому и быть.

И если это безумие влекло его за карточный стол, где он слышал, как она нашептывала, что его соперники пьяны и он может безжалостно раздевать их, или чувствовал, как ее легкое дыхание, касаясь его щеки, несло с собой удачу, – если все так, то к черту все остальное! Мэттисона не волновало, что постоянное незримое присутствие Кору отгораживает его от остального мира.

Она была с ним.

До тех пор, пока мисс Уинтерс не поцеловала его.

– Кора, – снова простонал он, повиснув на ограде.

Продавец хвороста, толкавший перед собой тележку, пристально посмотрел на него и, покачав головой, поспешил прочь.

Мэттисон понимал, как выглядит со стороны. Он стоял, освещаемый первыми лучами восходящего солнца, и оплакивал женщину, умершую семь черных, проклятых, одиноких лет назад. И ему было все равно, что о нем подумают. Если бы только он обладал сверхъестественными способностями, которые, по мнению окружающих, он получил от Люцифера и прочей нечисти, сейчас Мэттисон воспользовался бы ими! Если бы он действительно понимал что-нибудь в магии...

В голове вдруг возникла какая-то строчка. Что-то про три раза, три раза, три...

Он уже начал вспоминать, смутно подозревая, что это Шекспир, когда его внимание привлекло движение возле дома, стоявшего дальше по улице. На тротуаре появилась невысокая женщина, скромно, но прилично одетая, в темно-синем пальто и шляпке с полями. Сначала он не понял, почему среди всех спешащих по своим делам людей именно эта неприметная женщина привлекла его внимание. Но тут она огляделась по сторонам, прежде чем перейти улицу, и он увидел ее лицо.

Казалось, весь воздух из его легких внезапно исчез.

Кора.

– Проклятье! – воскликнул Мэттисон и, почувствовав внезапную слабость в ногах, крепче ухватился за прутья ограды. Неужели, призывая на помощь нечистую силу, он сумел вызвать ее тень? Все последние семь лет он слышал ее, чувствовал в воздухе ее аромат, ощущал ее присутствие, но никогда, ни разу она не позволила ему даже мельком увидеть себя...

– Проклятье! – снова воскликнул он. Пока он здесь стоял, остолбенев от того, что вызвал ее дух или что-то там еще, она исчезла за углом. Ушла от него, как будто не заметила. Как будто ее ждали другие, более важные дела.

Выкрикнув очередное ругательство, Мэттисон бросился за ней. Казалось, догнать ее не составит труда. Она не могла далеко уйти. Однако, как только он попробовал бежать, мостовая качнулась у него под ногами, словно живая, и швырнула его на краснодеревщика, катившего целую тележку всякой всячины. Лорду Мэттисону пришлось ухватиться за него, чтобы не упасть. А когда он снова побежал, Кору и след простыл.

На какое-то жуткое мгновение он подумал, что больше ее не увидит. Улицы наполнились торговцами, развозившими свой товар по богатым домам. Толпа поглотила Кору. От ужаса Мэттисона прошиб холодный пот, когда его взгляд вдруг выхватил в дальнем конце Беркли-сквер темно-синее пальто. Он бросился за ней через кусты.

Когда он снова ее увидел, она уже проталкивалась сквозь толпу на полпути к Братон-стрит. В это мгновение прямо в лицо Мэттисона ударился кролик, болтавшийся на шесте у продавца.

– Кора! – в отчаянии воскликнул он, отбиваясь от продавца, который, набросившись на него, требовал компенсации за порчу товара. – Подожди! – Он грубо оттолкнул мужчину в сторону. Нельзя допустить, чтобы ему помешали выяснить, куда направляется Кора!

Мэттисон заметил, как она вполоборота взглянула на него, и почувствовал, что она его узнала. Однако в ее глазах не было ни намека на нежность. Напротив, в

ее взгляде мелькнул ужас, и, подобрав юбки, Кора бросилась бежать.

Он тоже попытался бежать, но она отдалялась от него все больше и больше. Конечно, будучи бестелесным духом, она могла с легкостью раствориться в толпе, тогда как подвыпивший Мэттисон мог лишь неуклюже лавировать среди людей или расталкивать их по сторонам. Тем не менее ему удавалось не терять Кору из виду. Пока в один прекрасный момент она не нырнула в какой-то магазин на Кондуит-стрит и не захлопнула за собой дверь.

Мэттисон остановился напротив этой двери, оказавшейся входом в магазин модистики. Очень дорогой модистики по имени мадам Пишо, которое красовалось на золотой табличке, висевшей над дверью.

Сердце стучало в груди, как молоток. Как быть дальше? Ворваться в магазин, который, судя по всему, еще даже не открылся для клиентов, и потребовать, чтобы ему дали поговорить с призраком, нашедшим у них пристанище? Они позовут сторожей, и его просто посадят под замок. Скорее всего, в лечебницу для душевнобольных.

Наклонившись вперед, Мэттисон уперся руками в колени и попытался успокоить дыхание. И привести в порядок свои мысли.

Почему, бога ради, Кора убежала от него именно тогда, когда наконец позволила ему увидеть себя? И зачем она привела его сюда?

Мэттисон выпрямился и уставился на фасад магазина, как будто мог найти там объяснение всей этой чертовщине.

«Специализируемся на вечерних платьях» – гласила табличка, выставленная в витрине под великолепным, богато расшитым стеклярусом платьем из тех, что произвели настоящий фурор в этом году.

Внезапное предчувствие холодной змейкой поползло у него по спине.

В ту ночь, когда мистер Уинтерс заявил, что намерен навсегда упокоить дух Кору, Мэттисон весьма неудачно играл в паре с женщиной, одетой в платье от этой модистики. Их проигрыш он приписал тому, что эта французская девица в

роскошном платье одинаково плохо владела как игрой, так и английским языком. Однако в глубине души Мэттисон знал, что она не имеет никакого отношения к его проигрышу.

Игроки всегда отличались особенным суеверием, но он, похоже, был самым суеверным из всех. Понимая, что источником его удачи является Кора, он предпринимал массу усилий, чтобы не расстраивать ее. Мэттисон не прикасался к крепким напиткам, не поддавался соблазнам, воплощением которых были женщины, замороженные его темной, зловещей аурой. Да и как он мог лечь с кем-то в постель – даже если бы какая-то женщина смогла до такой степени привлечь его, – зная, что Кора постоянно кружит рядом, наблюдая за каждым его движением? Она не смогла бы смотреть на это. Ее чистая душа пришла бы в такое смятение, что улетела бы и больше никогда не вернулась.

Его осторожность не была напрасной. Любовь Кору обладала такой силой, что даже могила не стала для нее преградой. И раз она могла бросить вызов самой смерти, то как он мог шутить с этой властью.

Мисс Уинтерс его поцеловала, ее отец начал искать адвокатов, достаточно искусных, чтобы навсегда упокоить душу Кору, и она отвернулась от него. И теперь, сколько бы он ни напивался, сколько бы проклятий ни слал в окна дома мисс Уинтерс, это не помогало. Эта с шумом захлопнувшаяся перед ним дверь говорила сама за себя.

Кора вспомнила ту стену, которая разделяет живых и мертвых. И скрылась за ней.

Почувствовав дурноту, лорд Мэттисон провел дрожащей рукой по лицу.

Все эти годы он жил только потому, что Кора была рядом. Он ощущал ее более реальной, чем всех тех болтливых идиотов, населявших притоны, завсегдаем которых он стал.

Вернется ли она, если он во всеуслышание объявит правду о ней? Пускай его сочтут сумасшедшим, пускай посадят под замок. Он в состоянии купить себе милую, уютную клетку. Тогда, по крайней мере, не придется делать вид, что его жизнь имеет какой-нибудь смысл. Он перестанет скрывать пытку, терзавшую его каждую ночь. Он сможет просто лежать в темноте и проклинать свое

несчастное сердце.

Тогда мистер Уинтерс наверняка оставит свои честолюбивые мечты сделать дочь женой пэра, раз этот пэр законченный лунатик! И даже Робби почувствует определенное облегчение. Если он увидит, что человека, который, как он считает, убил его сестру, в конце концов отправили под замок, это удовлетворит его жажду справедливости.

Если этого хватит, чтобы успокоить Кору, – Мэттисон крепче стиснул зубы, – он готов заплатить такую ничтожную цену!

– Вы будете переходить, мистер, или нет? – пропищал рядом тихий голосок, оторвав Мэттисона от мрачных мыслей.

– Переходить?

Мальчишка-оборвыш с грязной метлой, вытянув вперед руку, в ожидании смотрел на него, готовясь за пару монет расчистить перед богачом грязную мостовую.

– Нет, – ответил Мэттисон. Какой смысл?

Ничто больше не имело смысла. Он оскорбил Кору.

Заставил ее уйти.

– Если хотите, я мог бы снести ей письмецо, – не унимался паренек.

– Письмецо?

– Той рыжей, что только что перешла улицу.

– Ты ее видел? – Лорд Мэттисон потрясенно уставился на мальчишку. Он полагал, что только он один мог видеть Кору. Особенно после того, как она растаяла среди толпы, словно она и все эти люди существовали в разных мирах.

Мальчик наклонился к нему и самодовольно хмыкнул. На его лице расплылась недоуменная улыбка.

– Яснее вашего, думаю. Судя по тому, как от вас пахнет, ночка выдалась тяжелой, верно?

Лорд Мэттисон поморщился, когда до него дошел смысл слов мальчишки.

За последние семь лет он ни разу не напивался. Странно еще, что он оказался таким стойким к джину и до сих пор мог держаться на ногах. Впрочем, несмотря на это, считать себя трезвым Мэттисон определенно не мог.

Значит, женщина была настоящей. Он не вызвал бестелесный дух с того света. Это не Кора намеренно повернулась к нему спиной, сбежала от него и захлопнула перед ним дверь. Он видел обычную служанку, вышедшую с черной лестницы и отправившуюся на работу.

И все это не имело к нему никакого отношения.

А то, что она каким-то странным образом так похожа на Кору, не более чем совпадение. Или... Или она родилась точной копией его умершей невесты? Мэттисон нахмурился. Ему не удалось подойти достаточно близко, чтобы как следует разглядеть ее лицо. Фигура женщины была точь-в-точь как у Кору, походка тоже. Поэтому-то он и принял ее за призрак.

У Мэттисона заболела голова.

Символично!

Похмелье началось раньше, чем он успел протрезветь.

Он прижал ладони к глазам, потом запустил пальцы в волосы. Пока он окончательно не придет в себя, бесполезно даже пытаться разобраться во всем этом.

– Ты все время здесь работаешь? – спросил Мэттисон мальчишку подметальщика.

– Угу, сэр! – ответил паренек слишком громко, как показалось лорду.

– Тогда разузнай все, что сможешь, про эту рыжую. – Сунув руку в карман, он бросил пареньку монетку. – И получишь еще одну такую.

При виде кроны лицо мальчишки засияло.

– Конечно! Когда вы придете?

– Я не приду, – недовольно поморщившись, бросил Мэттисон. Он презирал мужчин, топтавшихся по углам и выискивающих несчастных женщин, становившихся объектами их грязного интереса.

– Придешь ко мне и все расскажешь. Как тебя зовут?

– Грит, – ответил мальчик.

– Я скажу своему слуге, что, если явится немытая личность по имени Грит, он тебя пропустит. А если меня не будет, то ты расскажешь все ему и получишь еще монету.

– А вы кто будете?

– Лорд Мэттисон.

Свет в глазах мальчика погас. Он сглотнул и попытался скрыть свой испуг. Но он был слишком юн, чтобы преодолеть страх и согласиться услужить приспешнику дьявола. Шансы Мэттисона разузнать что-нибудь о рыжеволосой девушке, которая привела его в такое состояние, таяли на глазах. У паренька никогда не хватит смелости явиться к нему в дом. А если даже и хватит, то совесть заставит его держать язык за зубами. Даже самый последний беспризорный оборванец десять раз подумает, стоит ли продавать сведения о беззащитной девушке человеку с репутацией лорда Мэттисона.

– А пока найди-ка для меня кэб, – сказал он, бросив последний взгляд через дорогу на магазин. Не в силах отказать себе в извращенном удовольствии

казаться хуже, чем он есть на самом деле, Мэттисон добавил: – Не люблю выходить на улицу при свете дня.

Глава 2

Мэри промчалась по магазину, нырнула за бархатные портьеры, отделявшие его от рабочей зоны, и взлетела на три марша по лестнице в мастерскую. Единственное место, где она чувствовала себя в безопасности.

Она понятия не имела, почему этот человек в черной одежде, с черными волосами и мрачным выражением лица, появившийся из темноты на противоположной стороне Керзон-стрит, произвел на нее такое ужасное впечатление. И почему на какое-то мгновение ей показалось, что сама темнота, сгустившись и уплотнившись, породила это живое воплощение ее ночных кошмаров.

Поистине жутко вдруг ощутить, что твои кошмары вторгаются в реальную жизнь. Особенно после того, как эти кошмары, утратив четкость, сделались смутными.

Просыпаясь, Мэри помнила только, что ее что-то преследовало. Что-то, чему она не смела взглянуть в лицо. Как будто, если бы она это сделала, оно немедленно поглотило бы ее целиком. Мэри сворачивалась клубочком, стараясь исчезнуть, стать незаметной, но все равно чувствовала, как оно подбирается все ближе и ближе, его тень становится все больше и больше, пока она в ужасе не вскакивала, чтобы снова броситься бежать.

И хотя во сне Мэри никогда не удавалось сделать ни шагу, ее ноги всегда начинали стучать по кровати.

– Мэри, проснись! – возмущалась какая-нибудь из девушек, толкая ее острым локтем. – Тебе опять приснился страшный сон.

Ей говорили, чтобы она лежала смирно, и Мэри лежала, натянув одеяло до подбородка и боясь закрыть глаза, чтобы сон не начал снова мучить ее.

Она вздохнула и потерла лицо руками. Умом Мэри понимала, что тени не могут превратиться в мужчину и гоняться по улице за девушками.

И все же она не могла заставить себя остановиться.

Точно так же, как бежала от того, что преследовало ее во сне.

– Мэри!

Сердитый голос хозяйки заставил всех девушек в мастерской вздрогнуть. Тот факт, что мадам Пишо вышла из своего кабинета в этот час, не сулил им ничего хорошего.

– Что с тобой на этот раз? Ты бледна как полотно! Уж не собираешься ли ты снова заболеть?

Мэри не могла винить хозяйку за ее гнев. Она считала, что он оправдан. По сравнению с другими девушками, которые шили для мадам, она не могла похвастаться крепким здоровьем. Совсем не могла.

– Доктор обещал мне, что, если ты будешь регулярно гулять, твоё здоровье улучшится, – негодовала мадам. – Я не могу позволить, чтобы ты слегла в это время года! – Несмотря на то что теперь показы в салоне королевы закончились и объём работы немного уменьшился, количество заказов, которые получала мадам, все еще оставалось достаточно большим, и девушкам приходилось работать с рассвета до тех пор, пока они не валились с ног от усталости.

Подойдя к Мэри, мадам Пишо дотронулась рукой до ее лба.

– Я н-не больна, – выпалила Мэри. Выговор от мадам взволновал ее не меньше того, что произошло на улице. – Но там был мужчина...

Мадам Пишо вытаращила глаза и воздела руки к потолку в чисто галльском жесте.

– Улицы всегда кишат мужчинами. Но я уверена, что ни одному из них не придет в голову заинтересоваться таким маленьким ничтожеством, как ты! – фыркнула

она, стянув с Мэри перчатки и развязав ленту ее шляпки.

– Н – нет, он кричал! – воскликнула Мэри, вдруг впервые вспомнив об этом.

– По утрам на улице полно торговцев, предлагающих свой товар. – Мадам нахмурила брови. – Он обращался не к тебе.

– Но я думаю, что ко мне, – пробормотала Мэри, пытаюсь осмыслить случившееся, не выдавая ужаса, который охватил ее на улице. – Он гнался за мной! – Хотя Мэри не могла даже представить, с чего вдруг человеку, которого она никогда не видела, могло прийти в голову, сердито крича, преследовать ее. И все же она ясно видела, как он расталкивал торговцев, попадавших ему на пути. А его мстительные черные глаза неотрывно смотрели на нее. В какой-то жуткий миг ей вдруг показалось, что занавес, разделявший реальность от того, что существовало только в ее сознании, распахнулся. Мэри не понимала, где она. И кто она.

Тот миг был самым страшным.

– Мэри, очнись, – сказала мадам, потянув ее к себе и расстегивая пуговицы ее пальто, в то время как другие девушки в мастерской начали хихикать. – То, что мужчина бежал по улице, еще не значит, что он гнался за тобой. Ради бога, кому вздумается гоняться за таким мелким и тощим созданием, когда на каждом углу добровольно продают себя милостивые, аппетитные девицы?

Казалось бы, то, что мадам наотрез отказывалась в это поверить, должно было ободрить Мэри. Но девушка точно знала, что он гнался за ней. За ней.

– А теперь, Мэри, – сказала мадам, усаживая ее на рабочее место и сунув ей в руки очки, – я лишаю тебя одной прогулки. Сегодня на нее нет времени. По крайней мере, пока ты не закончишь лиф для нового платья графини Уолтон. Что бы там ни случилось на улице, выбрось это из головы. Ты меня слышишь?

– Да, мадам. – По правде сказать, ей и самой больше всего хотелось выбросить это из головы. Мэри искренне порадовалась, что на сегодня у нее есть такая сложная работа. Погружаясь в работу над чем-то по-настоящему прекрасным, ей всегда удавалось забыть про свои страхи. Даже когда она была маленькой девочкой...

Испуганно вскрикнув, Мэри уронила очки. Она каждый раз вздрагивала, когда в ее сознание врываются внезапные проблески воспоминаний о прошлом, которое обычно представлялось ей чистым, белым листом.

Мадам неодобрительно фыркнула, и Мэри быстро опустилась на колени, чтобы поднять очки. Они не могли улететь далеко по грубым половицам мастерской. Сейчас она найдет их, водрузит на положенное место и уже через несколько секунд снова будет сидеть за работой.

«Ну почему разум не может работать так же ловко, как руки?» – сердито подумала она. Сколько раз Мэри пыталась удержать те краткие проблески света, вспыхивавшие в нем. И каждый раз она словно пыталась схватить рукой пламя свечи. Ей ничего не удавалось удержать. Кроме боли.

«Впрочем, какой же идиот станет хватать рукой пламя, после того как один раз обжегся», – думала Мэри, надевая очки. В одно мгновение все, что находилось от нее дальше нескольких футов, утратило четкость, и она осталась сидеть на стуле, словно моряк, потерпевший кораблекрушение и выброшенный на одинокий островок, затерянный в тумане.

Когда она была маленькой... Мэри вздохнула, не в силах заглушить эхо этих слов. Она торопливо схватила иголку, но недостаточно быстро, чтобы отогнать ощущение, что, когда она была маленькой... и ее голова усердно склонялась над вышивкой...

«Думай только о том, что ты делаешь», – сказал ей тихий голос. И на какой-то краткий миг Мэри увидела, что над ней стоит не грозная мадам, а кто-то заботливый и нежный, в ком она инстинктивно узнала свою мать.

«Ради бога, опусти голову». Этот голос... ее мать... Он говорил так, что Мэри поняла, что рядом с ними есть кто-то еще. Он смотрит на них. Мужчина с громким голосом и крепкими кулаками... в одно мгновение все ее существо наполнилось страхом.

Прошлое и настоящее кружились и путались. Ребенок, живший в ней, склонил голову над рукоделием, стараясь отогнать становившиеся все громче голоса взрослых и дух насилия, витавший в воздухе. Женщина подвинула свой стул

ближе к ней. Она склонилась над ней так низко, что ее нос почти касался кремового шелка вышивки, и, когда Мэри вдыхала, ее легкие наполнились сладковатым ароматом новой ткани. Дрожащими пальцами она сделала стежок и надела на иголку крохотную стеклянную бусину. Потом она взяла вторую иголку, чтобы закреплять маленькие узоры из бусин на ткани. Она изо всех сил пыталась сосредоточиться на этой сложной работе, старательно отталкивая смутные образы насилия, которые уже почти совсем оформились и грозили стать явью, совсем как тот черный человек сегодня утром.

Мэри привыкла отгонять от себя неприятные мысли с тех самых пор, как приехала в Лондон, одинокая, избитая и перепуганная. И вскоре ее мир сжался до такого состояния, что она ощущала лишь текстуру роскошной ткани и слышала тихое поскрипывание иголки, протыкавшей ее, и свист ложившейся аккуратными ровными стежками нити.

Ее дыхание успокоилось. Сердце снова забило ритмично. Все неприятное отступило назад в темноту, оставив ее наедине с работой, которой были заняты ее руки и ее внимание.

Мэри скорее почувствовала, чем услышала, как мадам Пишо вышла из комнаты. Теперь они обе знали, что мысли Мэри заняты другим, и вскоре она забудет взволновавший ее инцидент на Беркли-сквер.

Прошло уже много времени с тех пор, как лорд Мэттисон последний раз играл против заведения. Владельцы игорных притонов вроде этого неохотно пускали его, пока он не стал ограничиваться игрой с частными лицами, поучаствовать в которой его приглашали другие джентльмены. «Или люди, называвшие себя джентльменами», – поправил он себя, окинув взглядом покрасневшие лица лорда Сэндифорда, мистера Питерса и молокососа по имени Карпентер, казавшегося особенно юным на фоне этих бородачей.

Питерс, теребя свои карты, потянулся за стаканом, но, заметив, что он пуст, велел проходящему мимо официанту наполнить его.

Лорд Мэттисон с насмешливой улыбкой откинулся на спинку стула. Очередной стакан не мог изменить тот факт, что, как только Питерс откроет свои карты, он обчистит их всех.

Впрочем, эту насмешку он мог отнести и к себе. Разве он сам не ощутил только что, какую злую шутку может сыграть крепкая выпивка? Разве не он решил, что вызвал из загробного мира призрак Кору, бормоча что-то про три раза! Стоило Мэттисону протрезветь, и он понял, что видение Кору, выскочившее перед ним, как джин из бутылки, было соткано из тяжелых винных паров и недостижимых желаний.

Он не мог вынести мысль о том, что, возможно, снова потерял ее. И потому джин толкнул его на путь самообмана.

«Точно так же, как бренди толкает Питерса на путь самообольщения», – подумал Мэттисон, глядя, как тот одним залпом проглотил содержимое стакана, поднесенное ему официантом.

«Этому человеку пошла бы на пользу чашка кофе вроде той, из которой пил он сам», – размышлял Мэттисон, когда Питерс в конце концов с вызовом бросил свои карты на стол.

И остолбенел, увидев те, что держал в руках лорд Мэттисон.

– Еще по одной, – взмолился он, когда тот потянулся, чтобы забрать свой выигрыш.

– Вам больше нечего ставить, – холодно отозвался лорд Мэттисон.

– Но у меня дочь, – возразил мужчина, не сводя глаз с монет, банкнот и смятых долговых расписок, которые Мэттисон распихивал по своим бездонным карманам.

Он с презрением повернулся к Питерсу:

– А мне что за дело?

Если бы у Питерса была хоть капля здравого смысла, он сидел бы дома, занимался делами, а не тратил свое состояние в подобных притонах! Ему стоило вспомнить о своей дочери до того, как он все проиграл. Теперь уже бесполезно было взывать к нему.

Отец Мэттисона был таким же. Поддавшись игорной лихорадке, он забыл и про жену, и про сына – про всех, чье благополучие зависело от него. Его волновало лишь то, как ляжет карта да какой стороной повернутся кости.

– Нет, нет! – заторопился Питерс. – Я хотел сказать, что у меня еще осталась дочь. – На его лице появилось омерзительное выражение. – И я могу сыграть на нее. Только дайте мне последний шанс отыгаться, – умолял он.

– И не подумаю, – ответил лорд Мэттисон, с презрением глядя на человека, который только что погубил свою жизнь.

– Она красивая. И она еще девственница, – бормотал Питерс. Его пунцовое лицо покрылось потом.

Лорд Сэндифорд, который, после того как проиграл четыре сотни гиней, пребывал в дурном настроении, не поднимая глаз, хмыкнул:

– Вы зря теряете время, старина. Лучше продайте ее мне. Лорд Мэттисон не охотник до женщин.

– Во всяком случае, живых, – согласился Мэттисон, бросив многозначительный взгляд в сторону хозяйки притона, которая весь вечер крутилась вокруг него.

В какой-то момент ее духи показались ему настолько приторными, что он резко попросил женщину отойти подальше. Она надула губки и, взглянув на него из-под полуопущенных ресниц, промурлыкала, что будет к его услугам позже.

– Что вы имеете в виду? – спросил Питерс.

Все сидевшие за столом умолкли. Мало кто решался спрашивать лорда Мэттисона, есть ли доля правды в тех слухах, которые ходили о нем.

Мистер Карпентер бросил на лорда Сэндифорда недовольный взгляд. Потом его глаза с ненавистью скользнули по лицу лорда Мэттисона, после чего он резко вскочил, уронив свой стул, и бросился к выходу.

– Единственная женщина, которая меня интересует, мистер Питерс, – ответил Мэттисон, осторожно подбирая слова, – это мисс Кора Монтегю. – Он почувствовал, как все в комнате потрясенно замерли, когда он наконец решился произнести ее имя вслух.

Несколько человек за соседними столами повернули голову в надежде услышать что-нибудь новое о скандале, который семь лет назад взбудоражил все высшее общество.

– Ради нее я готов был поставить на кон собственную душу, – загадочно произнес он, – и я ее проиграл. – Он встал, гадая, станет ли заявление о его преданности Коре, сделанное в этом жалком притоне, достаточным для того, чтобы она снова к нему вернулась.

Впрочем, что он теряет?

– Она владеет моей душой, мистер Питерс. – Его дыхание участилось, когда он вспомнил, как много выиграл сегодня. И хотя Мэттисон не ощущал ее присутствия, удача определенно к нему вернулась. – А может быть, – добавил он, почувствовав, как тяжесть упала с его плеч, – это я владею ее душой.

Возле двери стояла женщина, которая всю ночь пыталась привлечь его внимание. Какой-то мужчина держал ее за руку и что-то говорил ей вполголоса.

Лорд Мэттисон достал банкноту и помахал ею перед носом девицы.

– Ты по-прежнему хочешь ее заработать? – насмешливо спросил он.

Она отпрянула назад и побледнела, а мужчина, который стоял рядом, отошел прочь, оставив ее наедине с лордом. Мэттисон убрал банкноту в карман.

– Вижу, что нет, – медленно произнес он. – Очень мудро с твоей стороны.

Каким облегчением было оказаться на улице и вдохнуть воздух, не отравленный запахом сигар и отчаянием!

– Ты это видела, Кора? – спросил он бархатную уличную темноту. – Ты слышала, что я им сказал?

Но ответа не последовало. Она не подлетела, чтобы составить ему компанию в долгой прогулке до дома. Вместо этого перед ним мелькнула зыбкая картина того, что почувствует та безымянная дочь, когда Питерс, вернувшись домой, скажет, что намерен продать ее Сэндифорду. А следом за ней появилось испуганное лицо женщины, которую он принял за призрак Кору.

– Я не виноват, что Питерс пытался продать мне свою дочь, – произнес он, двинувшись вперед по мокрым темным улицам. – Я сел за стол только для того, чтобы вернуть тебя.

Но Кору там не оказалось. А значит, те деньги, что оттягивали его карманы, ничего для него не значили. Они были ему ни к чему.

Добравшись до дому, Мэттисон вынул из карманов часть выигранных денег и бросил их своему слуге.

– Сегодня я разорил человека по имени Питерс. Возьми эти деньги и положи на имя его дочери. Скажи ей, чтобы она не позволяла своему отцу прикасаться к ним. Иначе ей придется иметь дело со мной.

– Сэр. – Брови Эфраима слегка приподнялись, но он не задал никаких вопросов.

До сегодняшней ночи лорд Мэттисон не проявлял ни капли жалости к тем, у кого выигрывал деньги. Насколько знал, он погубил уже троих.

Но сегодня понял, что не в состоянии взять себе ни пенни. Он сел за стол только для того, чтобы снова обрести Кору. И совсем не для того, чтобы причинить еще больше горя бедной дочери заядлого игрока.

Пройдя в спальню, он снял сюртук и вытряхнул содержимое карманов. Монеты раскатились по полу.

– Я не хочу этих денег, Кора, – объяснил он, усаживаясь на стул возле кровати, чтобы снять сапоги. – Ты знаешь, что они мне не нужны. За последние несколько лет я сделал удачные инвестиции.

По какой-то причине от этого признания сегодняшний выигрыш сделался еще более неприятным.

– Я сделал так, чтобы девушке ничто не угрожало, – возразил он и развязал шейный платок, который тут же соскользнул на пол. – Ты довольна, Кора? – обратился он к темной тени в углу. Но ответа не было.

Со стоном отчаяния Мэттисон, не раздеваясь, лег на кровать и закрыл лицо руками. Он не знал, как сможет жить дальше, если она не вернется.

Лорд Мэттисон не испытывал удовлетворения ни оттого, что погубил одного человека, ни оттого, что спас другого.

И все оттого, что она этого не видела. Ему нужна была она.

«Так нужна. Господи!»

Мэттисону показалось, что он едва успел закрыть глаза, когда его разбудил стук в дверь.

Настойчивый стук.

«Эфраим, должно быть, еще не вернулся», – подумал он, садясь на кровати и приглаживая рукой растрепавшиеся волосы. Придется самому принимать визитера. Наверняка это один из тех, у кого он вчера ночью взял долговую расписку. Мэттисон прошлепал босыми ногами к входной двери.

Однако на пороге стоял не посрамленный игрок, а оборванный подметальщик, которого он встретил в ту ночь, когда увидел призрак на Керзон-стрит.

– Грит? – удивился лорд Мэттисон, открывая дверь шире, чтобы впустить перепуганного мальчугана. – Пойдем в гостиную.

– Ее зовут Мэри, – без предисловий заявил мальчик, когда лорд Мэттисон устало опустился на диван.

По правде сказать, ему не хотелось слушать то, что собирался рассказать Грит. Но он был не прочь дать пареньку возможность заработать чаевые за смелость, которую он проявил, явившись в логово дьявола.

– Ту рыжую, за которой вы гнались. Она приехала в Лондон лет шесть назад и поступила в ученицы. Там теперь и работает. Но она не обычная ученица, ее взяли без договора, из милости.

Лорд Мэттисон отмел в сторону то очевидное совпадение, что девушка появилась примерно в то же время, когда исчезла Кора. Каждый год сотни сельских девушек приезжали в Лондон в поисках работы.

– Теперь ни одна мастерица не может с ней сравниться, – добавил Грит, окидывая любопытным взглядом гостиную лорда Мэттисона, как будто ожидал увидеть на какой-нибудь полке человеческий скальп на подставке. – Богачки готовы драться за платья, к которым она приложила руку.

Мэттисон вдруг вспомнил, что Кора очень любила шить. Но тогда этим занимались все девушки из благородных семей. Это еще ничего не значит. Ничего!

– Если хотите с ней познакомиться, – после небольшой паузы сказал мальчишка, – то в пятницу вечером она будет в «Молнии». Понимаете, ее подружка водится с кучером, который ходит туда выпить. Вот она и забегает туда, чтобы с ним встретиться. Около семи, – закончил он, с надеждой протягивая вперед руку.

– Иди в мою спальню, – сказал лорд Мэттисон, кивнув в ту сторону, – можешь взять себе все, что валяется на полу.

Среди прочей мелочи там было несколько крон из тех, что он выиграл прошлой ночью. Грит остался очень доволен.

Мэттисон наклонился вперед и закрыл лицо руками. Прошлой ночью ему казалось, что он навел порядок в своих мыслях. Женщина, которую он видел на Керзон-стрит, не была Корой. Просто он напился и вообразил себе это сходство.

Но теперь он снова начал сомневаться, учитывая все то, что Грит рассказал о девушке, которую называл рыжей.

На девушке, за которой он гнался, была надета шляпка с полями, полностью закрывавшая волосы. Тогда почему он решил, что она рыжеволосая?

Потому что Кора была такой.

И как быть с тем, что легкий холод, который постоянно окутывал его, словно саван, исчез в ту секунду, когда он увидел ее профиль? Почему так забилося сердце? Как будто он снова стал по-настоящему живым человеком, а не просто проклятой душой, помещенной в живое тело.

Лорд Мэттисон понял, что у него не будет ни минуты покоя, пока он не увидит девушку и не докажет самому себе, что она всего лишь отдаленно напоминает Кору.

– Да не волнуйся ты, Мэри, – уговаривала Молли. – Мадам Скупердяйка ничего не узнает. Разве что ты сама ей расскажешь.

– Она заметит, что нас нет дольше, чем нужно, чтобы отнести заказ.

С тех пор как Мэри вернулась с Керзон-стрит в растрепанных чувствах, мадам Пишо стала посылать с ней Молли.

Молли умела виртуозно отлынивать от их нескончаемой монотонной работы и без зазрения совести пользовалась ежедневной доставкой заказов, чтобы повидаться с кучером Джо Хиггисом, кэб которого обычно стоял как раз на углу Керзон-стрит.

Мэри не завидовала коротким мгновениям счастья Молли, она просто не знала, как они смогут выпутаться, если пойдут в винную лавку, расположенную в

Ковент-Гарден.

– Нам надо просто сочинить какую-нибудь историю и придерживаться ее, – настаивала Молли. – Мы скажем ей, что экономка позвала нас выпить чаю на кухне или что у леди возникли какие-то вопросы по счету.

– Я не... я не могу... – Мэри почувствовала, как жар бросился ей в лицо. От одной мысли о том, что придется врать хозяйке в лицо, ее начинало мутить.

Молли щелкнула языком и вздохнула:

– Просто дай мне самой все объяснить, когда мы вернемся. Помолчать-то ты можешь, верно? – Она крепко схватила Мэри за руку. – Ты же понимаешь, что выдавать друзей нехорошо?

– Я ни за что не выдам тебя, Молли, – ответила Мэри.

Когда Мэри только начинала работать на мадам Пишо, она жила в состоянии постоянного болезненного страха. Шумный и многолюдный Лондон приводил ее в смятение. Мадам и другие девушки так странно произносили слова, что Мэри с трудом понимала, что они говорят. Но Молли всегда помогала ей, медленно и терпеливо объясняя, что и как надо делать, и даже защищала ее от мелких укусов со стороны других девушек.

– В любом случае мадам следовало бы время от времени давать нам часок другой свободного времени, тогда нам не пришлось бы делать это тайком!

Нет, она ни за что не скажет мадам, где они были.

Ей не придется этого делать.

Мэри смущенно огляделась по сторонам, когда Молли втокнула ее в жаркую вонючую забегаловку, куда ее приятель Джо любил приходить выпить чего-нибудь крепкого в конце дня вместе с такими же, как он, наемными кучерами. Мадам не успела и глазом моргнуть, как они уже добрались до места.

Молли быстро заметила своего милого, который крикнул приятелям, чтобы те дали дамам пройти к его столику. Светловолосая девушка поставила перед ними два стакана, и Джо бросил ей монету.

Молли ткнула Мэри локтем:

– Поблагодари Джо за то, что он заказал нам джин, детка. Он такой щедрый, правда? – Молли улыбнулась ему, и глаза Джо загорелись.

Подвинувшись ближе, он обнял ее за талию и легонько стиснул. Молли захихикала и покраснела от удовольствия. Мэри он даже не замечал.

Она решительно взяла свой стакан, но, взглянув на жидкость, почувствовала тошноту. Мэри не могла понять, что находила Молли в Джо Хиггисе. У него были покатые плечи и толстая шея. Под ногтями чернела грязь. И сообразно своей работе, от него пахло лошадьми. Как могла Молли позволять такому человеку тискать ее, не говоря уже о том, чтобы поощрять это?

Она говорила, что с ним весело, а в этом убогом мире нельзя задирать нос перед тем, кто заставляет тебя смеяться. Не важно, над чем.

Ради Молли и чтобы не задеть чувств Джо, Мэри решила, что должна сделать вид, будто благодарна ему за выпивку. К тому же она подумала, что если уткнется носом в свой стакан, то не будет выглядеть здесь чужой, хотя именно такой она себя и чувствовала.

Она с сомнением попробовала жидкость и с удивлением обнаружила, что у нее слабый приятный запах. «Джин оказался не так уж плох», – признала она, сделав еще глоток.

– Ты подружка Молли, да? – спросил мужчина, сидевший рядом с ней и с любопытством присматривавшийся к ней с той самой минуты, как она села за стол.

Мэри с трудом сдержалась, чтобы не сказать какую-нибудь колкость. Она пришла сюда с Молли. Сидела рядом с Молли. Кем же еще она могла быть, как не подружкой Молли?

– Не приставай к ней, Фред! – внезапно рассердилась Молли. – Остальных это тоже касается, – обратилась она к мужчинам, сидевшим за столом. – Не вздумайте воспользоваться тем, что она не может сама за себя постоять. Я в порошок сотру каждого, кто ее хоть пальцем тронет! – воинственно заявила она.

Фред поднял руки вверх.

– Я только хотел познакомиться, – оправдывался он.

– Ладно, больше не лезь! – выпалила Молли. – Она не любит мужчин. От них она... – Молли замолчала, подбирая подходящие слова.

Мэри сосредоточенно смотрела на дно стакана, разрываясь между благодарностью к Молли за то, что та защищала ее, и ужасом перед тем, что она могла сказать.

– Начинает дергаться! Да, – заявила Молли, – вот что с ней делается, когда мужчины вокруг нее не умеют себя вести. Так что смотрите!

Как ей казалось удачно уладив дело, Молли забралась к Джо на колени и продолжила веселиться.

Мэри чувствовала себя монеткой, подброшенной в воздух, и не знала, какой стороной упасть вниз. То ли стыдиться своего изъяна, о котором во всеуслышание объявила Молли, то ли сказать ей спасибо. Так или иначе, но Молли сказала правду. Мужчины заставляли ее нервничать. Ей не хотелось, чтобы Фред с ней разговаривал, не хотелось отвечать ему. По правде сказать, она бы с удовольствием завернулась в свое пальто и исчезла. Чтобы скрыть смущение, Мэри сделала еще один большой глоток.

Как только джин оказался внутри, она ощутила, как ее тревоги и сомнения вдруг улеглись, сменившись тупой обидой.

Молли только что объявила всем, что она с придурью, но Мэри не считала себя такой. Действительно, когда она только приехала в Лондон, многие вещи сбивали ее с толку. Но тогда она была больна. Даже после того как мадам взяла ее к себе, головные боли мучили Мэри еще долгие месяцы.

Но теперь она думала, что эти головные боли были вызваны тем, что раньше она очень плохо спала. Так было и потому, что с улицы и днем и ночью доносился громкий шум, и оттого, что она не привыкла делить с кем-то постель.

С другой стороны, как она могла быть в этом уверена, когда масса других вещей, казавшихся всем остальным людям совершенно естественными, представлялись ей загадкой... Мэри печально вздохнула. Возможно, мадам, Молли и все остальные правы в своем отношении к ней, и она действительно с придурью.

В попытке отвлечься от этих навязчивых мыслей Мэри снова глотнула из своего стакана. Тревожный ком, постоянно стоявший где-то у нее в груди, постепенно растаял. Какая, в самом деле, разница, если с ее головой и вправду что-то не в порядке? У нее есть работа, где она может найти отличное применение своим навыкам. И у нее есть подруги.

«Да и приятели Джо, – подумала она, подняв голову и оглядевшись по сторонам, – не так уж плохи, несмотря на свой отталкивающий внешний вид». Мэри почувствовала, что вот-вот рассмеется. Раз уж ее занесло в эту грязную забегаловку, то она не могла найти лучшей компании, чем подвыпившие кучера. Привыкшие по роду занятий иметь дело с порывистыми, нервными животными, они приняли слова Молли близко к сердцу и следовали им. Это выглядело не слишком заметно. Но теперь они говорили не так громко, как раньше. Они старались не задеть Мэри своими большими мужскими телами и не делали резких движений, которые могли бы испугать ее.

И это было... очень трогательно.

Прижимая к груди стакан с джином, Мэри подумала, что Лондон не так уж страшен. Ей потребовалось много времени, но постепенно она выросла и привыкала к нему. Чем лучше она узнавала его улицы и закоулки, тем меньше он ее пугал.

Все будет хорошо.

– Зачем ты это сделала, Кора? – Резкий мужской голос прервал ее размышления.

Мэри подняла глаза и увидела, что над ней стоит мужчина. Тот самый джентльмен. Тот, который чуть не догнал ее на Беркли-сквер. Та же темная одежда, то же мрачное выражение лица, тот же сердитый голос.

Мэри резко вдохнула, ожидая, что почувствует приступ страха, что случилось с ней каждый раз, когда она сталкивалась с чем-то неизвестным.

Но этого не случилось.

Она уставилась в свой стакан, гадая, не в этом ли причина пристрастия многих женщин к джину. Похоже, именно он придал ей непривычную смелость.

«А может быть, – подумала она, – все дело в том, что ее окружала целая компания приятелей Джо, крепких, подвыпивших, плохо одетых рыцарей».

Так что Мэри на этот раз не задрожала. Не попыталась убежать. Она просто сидела и спокойно смотрела на него.

Его лицо стало еще мрачнее.

– Ты должна объяснить мне, Кора, – прохрипел он, – почему ты сбежала?

Кора? Ах вот оно что! Должно быть, она похожа... на нее.

Поэтому-то он и гнался за ней, поэтому так сердито кричал. Видимо, он ждал... Кору... и был неприятно удивлен, что она испугалась и убежала.

– Думаю, вы ошиблись и приняли меня за кого-то другого, сэр, – вежливо сказала Мэри. Она видела, что он действительно расстроен, и не хотела огорчать его еще сильнее.

Тем не менее он посмотрел на нее так, словно она дала ему пощечину.

Если он и ошибся в ней, то не сейчас, а семь лет назад!

Она говорила, что так сильно любит его. Что согласна жить с ним где угодно, в любой лачуге. Но, несмотря на это, в один прекрасный день, когда никто не ожидал, она от него сбежала. Без предупреждения. Без извинения. Без причины. И начала новую жизнь. Здесь, в Лондоне. Меньше чем в полумиле от его дома. Возможно, он бесчисленное число раз проходил мимо нее по улице и не знал...

Неудержимая ярость охватила Мэттисона при мысли о ее вероломстве. Все его существование в последние семь лет было опутано паутиной лжи. Кора обманула его. Робби его оклеветал. Да и сам он лгал себе.

– Все считают тебя умершей, – процедил Мэттисон сквозь зубы.

Ей не удастся сделать из него полного дурака. Какой идиот придумал глупую, слезливую сказку о женской верности? С того самого дня, как она... нет, не умерла. Как она бросила его – вот что она сделала. Бросила его, едва не отправив на виселицу по обвинению в убийстве. С того самого дня это его, а не ее можно было считать умершим. Потому что все для него потеряло смысл.

Но больше всего лорда Мэттисона бесило, что даже после того, как он увидел ее на Керзон-стрит, он продолжал цепляться за всю эту дешевую чепуху. После того как он проспал несколько часов и окончательно протрезвел, он готов был отрицать то, что видел собственными глазами. Он предпочел убедить себя в том, что алкоголь возбудил его чувства, заставил вообразить это сходство, лишь бы не отказаться от бредовой идеи, будто дух Кору не отпускает его.

И если бы Грит не оказался таким бессердечным и не продал сведения о ней человеку с его репутацией, он сейчас не стоял бы здесь.

Мэттисон явился сюда с одной-единственной целью – убедиться в том, что девушка с Керзон-стрит вовсе не похожа на Кору. И он никак не ожидал, что перед ним окажется Кора собственной персоной.

Это была более взрослая и скромно одетая Кора. Но именно Кора, и никто другой.

Ее речь стала иной. Теперь она говорила почти так же, как другие девушки, которые живут и работают в этом районе. Но Мэттисон безошибочно различил в ее выговоре под более резкими звуками шотландскую мягкость и понижение

тона в конце фраз, говорившие о ее происхождении. В остальном Кора почти совсем не изменилась. Та же светлая кожа, которая покрывалась веснушками, когда наступала весна и начинало ярко светить солнце. Те же тонкие черты лица, подчеркивавшие огромные глаза, те же манеры. То, как она держала стакан, как наклонила голову, глядя на него снизу вверх. Только зеленые глаза, которые когда-то светились той самой любовью, о которой поэты слагают сонеты, теперь смотрели холодно. В них не было ничего.

Одна пустота.

На Мэттисона с новой силой навалилась вся тяжесть ее предательства, ее вероломства. И то, что Кора оказалась жива, не принесло ему никакого утешения. Он тяжело опустился на скамью рядом с ней, где образовалось пустое место, после того как ее подруга пересела на колени к своему кучеру.

Каждый вздох отдавался болью в его груди. Почему тогда, семь лет назад, он не замечал ее лживой природы? А теперь? Только посмотрите, с каким спокойствием она потягивает джин, после того как помогла своей подруге тайно встретиться с ее дружкой. Как без малейшей тревоги пользуется той относительной свободой, которую дает ей ее положение. Губы Мэттисона изогнулись в презрительной усмешке. Как можно верить такой женщине! Она упорхнула от него, украв его сердце и его кольцо...

Его кольцо! Как он мог забыть? Это кольцо передавалось в их семье из поколения в поколение. Единственная драгоценность, которую удалось сберечь его матери, не позволившей отцу продать его. Оно было таким ценным. Гораздо более ценным, чем заслуживала эта низкая, вероломная... Лорд Мэттисон схватил ее руку, намереваясь забрать кольцо.

Но на безымянном пальце ничего не было.

- Ты продала мое кольцо!

Как она могла? Семь лет назад Мэттисон назначил за него вознаграждение, какое только мог себе позволить, в надежде, что, если кольцо найдется, оно приведет его к Коре. Старинное кольцо с кроваво-красным рубином, окруженным маленькими жемчужинками, оно было таким необычным. Мэттисон не сомневался, что услышит о нем, если кому-то вздумается его продать.

Но даже в этом она умудрилась его перехитрить. Должно быть, она продала его, чтобы оплатить свой побег в Лондон. Мэттисон поморщился от своей наивности. Как он мог надеяться, что тот, кто купил кольцо, польстится на его жалкое вознаграждение?

– Почему, Кора? – снова спросил он. Он так и не смог этого понять. – Скажи мне наконец, почему ты сбежала?

Если она передумала выходить за него замуж, почему просто не сказала ему, не разорвала помолвку, не уехала домой? Зачем ей понадобилось уезжать так далеко и пропадать так безвозвратно?

Сердце Мэри сжалось от сочувствия к бедному джентльмену, который выглядел таким потерянным. Потому что она прекрасно понимала, что он испытывал. Ей и самой часто казалось, что ее жизнь лишена смысла. И это заставляло ее чувствовать себя одинокой, испуганной и потерянной.

А когда она такое испытывала, улыбка и несколько добрых слов помогали ей снова прийти в себя. Заставив себя улыбнуться в надежде, что ее улыбка подбодрит несчастного молодого человека, она вежливо объяснила:

– Я действительно не та, за кого вы меня принимаете, сэра. Меня зовут Мэри.

– Как ты можешь лгать мне? – возмутился он. – Прямо в глаза! Ты вскочила на лошадь и ускакала, даже не оглянувшись назад...

– На лошадь? – Брови Мэри поползли вверх от удивления. Неужели этот человек думает, что она способна взобраться на лошадь? Да она так труслива, что не смогла бы даже погладить это животное, несмотря на все уверения Джо в том, что это совершенно безопасно. Как можно так ошибаться в ее характере? Сама мысль о том, чтобы дотронуться до лошади, вызывала у нее приступ паники. Такой сильной, что Мэри начинала чувствовать лошадиный запах. Вот и теперь этот запах наполнил ее ноздри. Мэри с трудом сглотнула, но не смогла успокоить колотившееся в груди сердце. Она чувствовала запах мокрых листьев, смешанный с запахом лошади и кожи, и еще она чувствовала во рту жуткий металлический привкус крови...

– ...ты оставила меня собирать осколки! А теперь ты даже не хочешь оказать мне любезность и объяснить свое поведение! Ты говорила, что любишь меня...

Его лицо потемнело от гнева. Внезапно лорд Мэттисон схватил Мэри за плечи и крепко поцеловал в губы.

Мэри так опешила, что не смогла воспротивиться. Она никак не ожидала, что он поступит подобным образом.

Однако, прежде чем она смогла отдышаться, вся комната пришла в движение.

Ни слова не говоря, Фред в ярости вскочил, перегнулся через ее голову и, схватив расстроенного джентльмена за лацканы его очень дорогого пальто, рывком поставил его на ноги.

От этого внезапного движения скамейка, на которой они сидели, перевернулась, и Мэри, путаясь в своих юбках, отлетела назад. Джо, отличавшийся молниеносной реакцией, успел вскочить раньше, чем лишился опоры в виде скамьи. Молли повезло меньше, она шлепнулась на пол рядом с Мэри.

– Скорее сюда! – взвизгнула Молли, схватив ее за руку, хотя Мэри сама уже ползла на четвереньках подальше от размахивающих рук и ног трех мужчин, которые дрались на том самом месте, где всего мгновение назад сидели и спокойно пили свой портер.

К тому времени, когда перепуганные дамы добрались до двери, в драке уже принимали участие все, кто находился в заведении. Пока Молли тащила ее прочь, Мэри оглянулась через плечо и увидела, как одна из служанок опустила свой поднос на голову угольщика, державшего в своих могучих объятиях клерка в очках. В это время приятель Джо случайно ударил Фреда локтем в лицо, как раз когда тот заехал локтем в живот мужчине, одетому в форму моряка. Однако среди всего этого клубка дерущихся она так и не смогла разглядеть джентльмена в черном.

– Ну и вечерок! – задыхаясь, выпалила Мэри, когда они выбрались на улицу. Ее лицо сияло от восторга. – Разве ты не волнуешься за Джо?

Из забегаловки доносился треск ломающейся мебели и громкие голоса мужчин, извергающих ругательства.

– Похоже, – Молли на секунду замолчала, услышав жуткий звон бьющегося стекла, – он отлично проводит время. – Она засмеялась, поправляя съехавшую набок шляпку на голове Мэри. – Ты видела, какой он стремительный? – добавила она, подпрыгивая на месте и нанося удары воображаемым противникам.

– Я едва успела понять, что случилось, – призналась Мэри. – Все произошло так быстро. Только что этот человек целовал меня, а потом... О боже. – Она умолкла, бросив через плечо испуганный взгляд. – Я надеюсь, они не причинят ему вреда.

– Ну и ну! – Молли посмотрела на Мэри, как будто видит ее в первый раз. – Я-то думала, что ты будешь трястись от страха, а ты только и думаешь, как бы Джо с приятелями не сделал больно твоему красавцу!

– Он не мой красавец! Мне просто... просто жаль его, вот и все. Кажется, он принимает меня за какую-то женщину, которую знал раньше, которая говорила, что любит его, а потом бросила. Должно быть, поэтому он шел за мной в тот день. Видно, я на нее очень похожа. – Даже сидя с ней лицом к лицу при ярком свете фонарей, он, судя по всему, был уверен, что она его пропавшая возлюбленная. Это было так печально.

Молли взяла Мэри под руку и быстро зашагала вперед, бормоча:

– Значит, я все правильно сделала. Я точно не знала, – сказала она немного громче, искоса взглянув на Мэри, – но девушкам вроде нас не приходится особенно выбирать.

– О чем ты говоришь? Что ты сделала?

– Тебе это пойдет только на пользу, – ответила подруга, озадачив Мэри еще больше. – И потом, сегодня ты не очень-то его испугалась, верно? Не так, как в тот раз?

– Нет, – смущенно призналась Мэри. – В тот раз я вела себя глупо. Просто он выскочил из темноты и напугал меня...

– Вот видишь. Все будет хорошо!

– Что будет хорошо, Молли? – Мэри начала задыхаться. – Зачем мы так быстро идем? За нами же никто не гонится.

– Извини, – сказала Молли, притормозив, чтобы Мэри успевала за ней. – Ты ведь знаешь, что я всегда приглядываю за тобой, верно?

– Да.

– Вот и теперь я хочу тебе добра. Когда Грит пришел ко мне спросить, как ему поступить, потому что лорд Мэттисон расспрашивал про тебя, я сказала, чтобы он рассказал этому джентльмену все, что тот хочет знать. Я не думаю, что он сделает тебе что-то плохое, Мэри. Здесь есть места, где обслуживают джентльменов такого сорта, но он туда не ходит. И я не слышала...

– Молли, я не понимаю, о чем ты говоришь!

– А я и не думаю, что понимаешь. Послушай, – искренне произнесла она, – как ты считаешь, сколько времени мадам станет тебя держать, после того как ты окончательно загубишь свое здоровье? Сейчас она с тобой возится, потому что твоя вышивка бисером пользуется спросом. Но в следующем сезоне в моде будет что-нибудь другое. Или ты вконец испортишь зрение. Или... или еще что-нибудь случится! И тогда она тебя вышвырнет!

Мэри покачала головой:

– Мадам рисковала, когда взяла меня и дала мне работу. Она всегда была добра ко мне.

– Я работаю на нее гораздо дольше, чем ты, детка. И я говорю тебе: она как старый паук. Она высасывает из нас все соки, а потом выбрасывает то, что осталось, потому что оно уже никому не нужно! Мэри, она ведь даже не платит тебе! Она дает тебе ночлег и еду, а сама зарабатывает целое состояние на том, что делают твои умные руки. Ты знаешь, сколько она запросила с графа Уолтона за то платье, которое ты вышивала для его жены? Нет! Потому что ты слишком наивная и не умеешь за себя постоять. Ладно. Я делаю это за тебя! На тебя

положил глаз настоящий лорд, девочка. Один из самых богатых в городе.

- Ну да. Но только потому, что я похожа на ту, кого он знал раньше.

- Не важно, почему ты ему приглянулась. Важно то, что он в самом деле хочет тебя заполучить. Такие джентльмены, как он, бывают очень щедрыми, если дать им то, чего они хотят. И даже когда ты ему надоешь, он не выставит тебя на улицу. Для таких, как он, прилично устроить свою бывшую милашку - это вопрос чести.

- М-милашку? - не веря своим ушам, повторила Мэри.

- О да! Я рассчитываю, что он уже очень скоро сделает тебе предложение. А когда сделает, ты его примешь! Ты слышишь меня? Если сделаешь все правильно, то будешь в полном порядке.

- В полном порядке? - У Мэри перехватило дыхание. - Ты хочешь сказать, на содержании!

- Господи, Мэри, не будь глупее, чем надо. Он ведь тебе не противен, правда?

- Да нет. Мне его жалко, но...

- Вот и славно. Что плохого в том, чтобы дать бедному человеку немного покоя?

- Что плохого? - Мэри не знала, как объяснить, насколько ей будет плохо, если она продаст свое тело мужчине! Она никогда не рассматривала возможность стать чьей-то любовницей ради того, чтобы получить какие-то блага. Молли могла сколько угодно представлять это как шанс добиться определенного финансового благополучия, на которое она не могла надеяться, даже если бы сто лет работала на мадам. Но по глубокому убеждению Мэри, это означало последнюю степень падения.

Впрочем, не имело никакого смысла даже пытаться втолковать это Молли. Она расценила бы такую щепетильность как лишнее доказательство ее глупости.

Мэри ссутулилась в ответ на эту попытку подруги позаботиться о ее будущем и пошла по направлению к магазину на Кондуит-стрит, чувствуя себя самой одинокой и странной девушкой в Лондоне.

Глава 3

Мэри стояла на краю обрыва. Она слышала, как далеко внизу шумят волны, ударяясь о берег, но было слишком темно, чтобы она могла их увидеть. В такой темноте ничего нельзя было разглядеть. Одно неверное движение – и она могла упасть вниз.

Сердце стучало изо всех сил. Ноги дрожали. Она знала, что будет дальше, и это произошло. Земля под ее ногами треснула, и Мэри полетела вниз, широко раскрыв рот в беззвучном крике...

Еле переводя дух, она упала прямо в маленькую лодку, но осталась невредима, потому что джентльмен в черном стоял в лодке и ждал, чтобы поймать ее. Мэри упала прямо ему на руки.

Здесь, в этой лодке с ним, не было темноты. Здесь светило солнце. Ей было тепло и спокойно в его объятиях. Волны, ударяясь о борта лодки, нежно покачивали их. Мэри слышала крики чаек. Она посмотрела вверх, в огромное безоблачное небо, которого никогда не видела в Лондоне, где его загораживали крыши домов и торчавшие на них трубы.

Джентльмен в черном улыбнулся ей, и она, вздохнув, затихла в его руках.

«Я знаю, ты хочешь меня поцеловать», – сказал он и наклонил голову...

Мэри подскочила на постели. Ноги запутались в простынях. Ощущение покоя сменилось острым чувством стыда. Как ей могло присниться, что она целует мужчину? Того мужчину! Не могла же она всерьез воспринимать предложение Молли о том, чтобы стать его любовницей!

Или могла?

Чувствуя отвращение к себе, она вытащила подол своей ночной рубашки из-под ног Молли и встала с кровати, где спала вместе с ней и с Китти, еще одной девушкой-белешвейкой, жившей с ними над магазином.

Мэри завернулась в халат и босиком прошла в мастерскую. Солнце еще не взошло, поэтому она зажгла одну из ламп, которые мадам Пишо давала девушкам для работы в вечерние часы, и уселась на стул перед пядьцами со своей вышивкой.

Она попыталась заняться работой, чтобы отвлечься от беспокойных мыслей, рожденных сном. Но как она ни старалась отогнать недостойные мысли, они упрямо возвращались к джентльмену в черном.

Мэри проснулась прямо перед тем, как его губы должны были коснуться ее губ, и она уже знала, как это будет. Хотя во сне он поцеловал бы ее не так отчаянно и яростно, как сделал это в пивной. Нет, он поцеловал бы ее нежно, ласково, совсем так, как ей хотелось...

Нет! Она не хотела, чтобы он ее целовал! Она не такая! Ей вовсе не хотелось прижиматься к нему, обвивать его руками и... и... успокаивать его своими поцелуями... потому что тогда она была бы ничем не лучше обыкновенной шлюхи!

Мэри не могла понять, что на нее нашло в «Молнии». Она могла поклясться, что раньше боялась и осуждала мужчин. Всех мужчин. Ей никогда не нравилось слушать похотливые намеки, которые находили лестными другие девушки.

Так почему она не сделала ни малейшей попытки убрать руку, когда он взял ее в свою? Почему не стала сопротивляться, когда он прижал ее к своей груди и поцеловал?

Конечно, она могла бы возразить, что с радостью ухватилась бы за любую возможность избежать подступавшего приступа паники. И что, оказавшись в его объятиях, она больше не будет думать о лошадях.

Он завладел всеми ее мыслями. Мэри чувствовала на своем лице его теплое дыхание, его решительные руки, которые, несмотря на свою силу, не оставили синяков на ее плечах, когда он прижал ее к своей твердой, как стена, груди. Она помнила, как ноздри наполнил его запах. Запах дорогого белья, ароматного мыла и чистого теплого мужского тела...

Мэри резко ахнула от удивления. Она снова наслаждалась ощущениями, которые должны были испугать ее. Почему, когда его руки сомкнулись вокруг нее, она почувствовала себя так, как будто... – она не могла этого не признать – как будто вернулась домой? Мэри потерла виски, пытаясь отогнать подступающую боль. Это просто смешно! Она ведь совсем его не знала.

Одним своим поцелуем этот незнакомец пробил все защитные барьеры, которыми она себя окружила!

Всего один поцелуй – и она уже не могла перестать думать о нем.

Мэри прижала ладони к своим горящим щекам. Дай бог, чтобы она никогда больше его не увидела!

Если Молли права и в скором времени он сделает ей бесчестное предложение, она даже не знала, что ей отвечать. Мэри понимала, что она должна ответить. Конечно, понимала. Но хватит ли у нее сил сказать «нет»? Если он снова заговорит с ней, если снова поцелует, и на этот раз нежно, как собирался сделать это в ее сне?.. Достанет ли ей мужества устоять?

Потому что на какой-то благословенный миг, пока Фред не бросился спасать ее, Мэри почувствовала, что это именно то, чего ей хочется.

Она, которая, сколько себя помнила, постоянно находилась среди чужих людей, вдруг почувствовала, что связана с ним, и эта связь не нуждалась в объяснении.

Конечно, Мэри обладала достаточной моральной стойкостью, чтобы противостоять соблазну уйти с незнакомым мужчиной, заставившим ее почувствовать, что он ей не чужой.

«Неудивительно, – вздохнула Мэри, – что многие женщины оставляют честную жизнь, полную тяжелого труда, и выбирают стезю порока». Если на нее произвела такое впечатление одна мимолетная встреча с человеком, о котором она практически ничего не знала. Мэри вздрогнула. Возможно, первая инстинктивная реакция на его появление в ее жизни была правильной. Бежать, бежать туда, где он никогда не сможет ее найти. Потому что он опасен. Опасен для нее.

– Господи, деточка, ну что мне с тобой делать?

Мэри вскочила, увидев, что над ней, неодобрительно поджав губы, возвышается мадам Пишо. Мэри была так занята своими переживаниями, что не слышала, как она вошла в мастерскую. Впрочем, ее это не удивило. Часто, погружаясь в работу, Мэри проводила долгие часы, не замечая ничего вокруг.

Неудивительно, что мадам застала ее глядящей в пространство с безвольно опущенными руками.

Неудивительно, что мадам была недовольна. С того дня, когда Мэри в панике прибежала с Керзон-стрит, она была сама не своя. Ее ночи наполнились тревожными снами о человеке в черном. И все дни напролет она думала только о нем. Лишь невероятным усилием воли ей удавалось заставить себя возвращаться к вышивке. Мэри опустила голову, с удивлением признавая, что работа впервые перестала ее интересовать.

Мадам протянула руку и, взяв Мэри за подбородок, решительно подняла ее лицо вверх.

– Посмотри мне в глаза, – злобно прошептала она. – Не знаю, куда там таскала тебя Молли вчера вечером, но ты вернулась на себя не похожа.

Когда Мэри виновато съежилась, пальцы мадам Пито сжали ее подбородок еще крепче. Мэри знала, что мадам не поверила объяснениям Молли о том, почему они так долго отсутствовали. Она сразу же отослала девушек в их комнату, и Молли решила, что на этом все закончится. Однако следующие слова мадам заставили ее похолодеть до самых костей.

– Как только знать разъедется на лето по своим поместьям, я сразу же выгоню эту девицу за вчерашнюю проделку. – Она смотрела сквозь Мэри, как будто думала вслух, и обращалась с ней как с полоумной. Впрочем, Мэри понимала, откуда взялось такое отношение. Она была в ужасном состоянии в тот день, когда здесь появилась. Почти не в себе после всех тягот путешествия и того, что произошло с ней раньше. Еще не одну неделю любая мелочь вызывала у нее изнуряющие приступы паники, после которых она почти не могла работать.

Вскоре другие работницы усвоили, что опасно задавать Мэри вопросы о том, откуда она приехала. Как только она пыталась что-нибудь объяснить, погружаясь в непроглядную черноту, где должны были храниться нужные воспоминания, ее охватывало такое сокрушительное чувство утраты, что она испытывала настоящую физическую боль. Таковую, что почти не могла дышать. Это было, как будто... как будто она тонула.

Наконец все от нее отстали. И Мэри перестала делать попытки погружаться в эту темноту и боль. Как будто с трудом примирилась с собой. Она больше не старалась напрягать свою память, и та тоже оставила ее в покое.

А мадам, поняв, что, если Мэри никто не трогает и она спокойна, она может делать не только простые стежки, более того, она гораздо искуснее в вышивке, чем все остальные девушки. Поэтому мадам Пишо стала обращаться с ней как с любимой собачкой. С собачкой, которая умеет делать всякие забавные трюки и которую нужно баловать, но нельзя ставить на одну доску с человеком.

– Таковую, как она, я могу найти в два счета. Стоит только поманить пальцем, – задумчиво продолжила мадам. – Девушки, умеющие шить, готовы лезть из кожи вон, лишь бы устроиться в хорошую мастерскую, такую, как моя, Мэри, где они смогут получать достойную плату за достойную работу.

Большинство девушек, но не она. Мадам согласилась взять ее, только чтобы сделать любезность приятельнице, которая прислала ее в Лондон. Мэри получила жилье и еду. Она обзавелась и красивыми платьями, которые сшила себе в зимние месяцы, когда было мало заказов. Ей купили крепкие башмаки, хорошенькие шляпки и теплые перчатки, потому что мадам требовала, чтобы ее девушки прилично выглядели, когда ходили в церковь.

Но Мэри никогда не получала денег на руки.

– Я разрешила тебе ходить на прогулки, которые прописал доктор, потому что считала тебя не такой, как другие девушки. Потому что ты так боялась мужчин, что не стала бы тратить принадлежащее мне время, чтобы флиртовать с лакеями в тех домах, куда я тебя посылала, или слоняться по улицам в надежде подцепить какого-нибудь франта с Бонд-стрит. А ты являешься сюда с вытаращенными от восторга глазами и запахом таверны!

Она отпустила подбородок Мэри, как будто ей было противно к ней прикасаться.

– Я думала, все, что тебе нужно для счастья, – это отрез шелка и тарелка бисера! Мне казалось, чем дольше ты у меня работаешь, тем спокойнее себя чувствуешь. Разве ты не довольна, что работаешь у меня?

Уловив в вопросе мадам скрытую угрозу, Мэри похолодела. Что с ней будет, если мадам ее прогонит? За пределами этой мастерской у нее нет ни семьи, ни друзей. Она не обладает ни изворотливостью Молли, ни ее навыками выживать в этом городе.

Мэри в ужасе подняла глаза. И увидела перед собой не терпеливую благодетельницу, снисходительно относившуюся к ее недостаткам по доброте душевной, а жестокую торговку, которая поднялась на вершину своего ремесла только благодаря своей железной хватке. С глазами навывкате, темными жидкими волосами, заплетенными в тощую косицу, уложенную вокруг головы, и жесткими, как щипцы, пальцами, которыми она только что держала Мэри за подбородок, мадам действительно напоминала паука, с которым сравнивала ее Молли. Паука, готового схватить мошку, попавшую в его сеть. Молли и другие девушки всегда видели ее такой, какой она была на самом деле. Потому что у них хватало на это ума.

Теперь и Мэри увидела, каким шатким было ее положение. Она полностью зависела от доброй воли этой женщины.

– Пожалуйста, не прогоняйте меня, когда закончится сезон, – взмолилась она. – Я обещаю, что больше никогда не зайду ни в одну таверну! Мне там даже не понравилось!

Несколько секунд мадам злобно взирала на нее, прежде чем принять решение.

– Я больше не стану нянчиться с тобой как раньше, после того как ты мне за это отплатила, – холодно сказала она. – Я говорю о твоих ежедневных прогулках. Никто из девушек не пользуется такой привилегией.

«Но никто из других девушек не трудится так упорно, как я», – подумала Мэри и сама удивилась своим мятежным мыслям. Других работа никогда не поглощала так, чтобы они забывали поесть. Они болтали, потягивались, смотрели в окно или пялились на знатных клиентов, заходивших в магазин на первом этаже, тогда как Мэри трудилась не покладая рук и так уставала, что, когда ей наконец разрешали уйти, она мечтала только о том, чтобы упасть на кровать и выспаться.

– И безусловно, я не разрешу тебе никуда выходить отсюда, пока не буду уверена, что ты никому не станешь назначать тайных свиданий. И не вздумай даже мечтать о том, с кем ты там кокетничала вчера вечером. Мужчины никогда не приносят женщинам ничего, кроме неприятностей. Ты должна забыть о нем! Ты все поняла?

– Да, мадам, – с облегчением ответила Мэри.

Кажется, в обозримом будущем ей не грозило потерять работу и жилье. Да и на улицу она выходить не собиралась, боялась снова встретить джентльмена в черном. К тому времени, когда гнев мадам уляжется, остынет и его пыл. Насколько она могла судить по рассказам о погубленных дебютантках и благородных дамах, которые слышала в магазине, мужчины его класса не отличались постоянством. Все они любили быстро удовлетворять свои прихоти. Если она правильно запомнила, он был лорд. Молли упоминала его имя. Что-то похожее на Харрисон. А лорд, по разумению Мэри, не станет долго тосковать о какой-то белешвейке. К тому времени, когда ей посчастливится в следующий раз выйти на улицу, он уже найдет себе какую-нибудь другую девушку, похожую на его леди, и совершенно забудет про нее.

– Ладно. Теперь иди и оденься, – бросила мадам. – И даже не думай ни о каком завтраке. Сегодня ты и так зря потратила мое время!

Это было вполне подходящее наказание. Каждый раз, когда у нее будет урчать в животе, Мэри будет вспоминать, как сильно она соблазнилась обманчивыми поцелуями незнакомца.

– Спасибо, мадам, – пролепетала Мэри, радуясь, что все закончилось. Оставалось только надеяться, что вскоре она избавится от чувства вины. Это ведь не она завлекла незнакомца. Нет, он сам грубо ворвался в ее жизнь и завладел ее мыслями.

Она должна просто перестать о нем думать и отгородиться от других теней, которые могли пробиться в ее сознание и угрожать ее с трудом обретенному покою.

Этого и только этого она искренне хотела.

Она хотела покоя.

Лорд Мэттисон поморщился, когда Эфраим приложил кусок свежего сырого мяса к быстро темневшему синяку у него под глазом. Костяшки его пальцев были ободраны, и при глубоком вдохе чувствовалась боль. Их было несколько человек. Семь лет он сдерживал свое горе, свою злость и отчаяние, и наконец вчера в «Молнии» этот нарыв прорвался.

Однако удовлетворение оттого, что он смог выплеснуть на других часть своей боли, оказалось временным. К тому моменту, когда Мэттисон дотащился до дому, в его сознании царил полнейшая неразбериха. И все из-за этой рыжеволосой.

На минуту он поверил, что это Кора. И это полностью меняло все его существование.

Потому что если эта женщина Кора, то что, черт возьми, происходило с ним все последние семь лет? Он же определенно не придумал, что ее тень приносила ему удачу за карточным столом.

Иначе... Мэттисон наклонился вперед, прижимая кусок мяса к своему глазу, пока Эфраим поднимал с пола его окровавленную рубашку. Допустим, победа тех лошадей была случайностью. Время от времени такое случается с игроками. Ему едва исполнилось двадцать лет, и он чуть было не сошел с ума, отвергнутый семьей и друзьями в тот самый момент, когда больше всего в них нуждался.

Неужели он просто помешался на мысли, что на земле есть только один человек, который не повернулся к нему спиной?

А его последующий успех... может быть, он был обязан им только тому, что всегда садился играть на трезвую голову и точно знал, когда надо остановиться?

Мэттисон вскочил и, бросив мясо на тарелку, стоявшую на столе, нетерпеливо отмахнулся от Эфраима.

- Не сердись на меня, Кора, - взмолился он, испугавшись, что ее оскорбит такое внезапное недоверие. - Я по-прежнему верю в тебя. Верю!

Он отказывался понимать, что та рыжеволосая женщина - Кора. Конечно. Она даже понятия не имела, кто она такая, и не понимала, о чем он говорил. Мэттисон принялся ходить по комнате, беспокоя себя волосы. Кора никогда бы не забыла его! Они были всем друг для друга! Кроме того, женщина, которую он принял за Кору, чувствовала себя как дома среди завсегдаев питейной забегаловки. А Кора была робкой. И никогда не пила крепких напитков. Она не могла так сильно измениться!

У Кору не было никаких причин бежать в Лондон. По крайней мере, никаких разумных причин.

Мэттисон еще несколько раз прошелся по комнате, терзая себя мыслями о воображаемом любовнике, с которым она могла сбежать. О тайной беременности, в которой она не посмела признаться своему брату.

Он похолодел. Робби отличался неукротимым нравом. Она могла испугаться того, на что он способен. «Но неужели она не доверяла мне»? - со стоном подумал Мэттисон.

Подойдя к умывальному столику, он склонился над тазом, плеснул себе в лицо холодной водой и почувствовал облегчение, волной прокатившееся по всему телу, когда вспомнил, что в своем рассказе Грит не словом не обмолвился ни о каком ребенке.

Конечно нет.

У Кору не было ни любовника, ни беременности. Она любила его!

Та женщина была не Кора – вот и все!

«Но что, если это все же она?» – настаивал тихий тревожный голосок.

– Будь оно все проклято! – зарычал Мэттисон, взяв полотенце и зарывшись в него лицом. Если женщина, которую он видел в пивной, – Кора, она обязана объяснить ему, ради чего он столько страдал! А если нет... Он швырнул мокрое полотенце на пол.

Ладно. Мэттисон не собирался предавать Кору. Если он и поцеловал ту женщину, то только потому, что в тот миг не сомневался...

Он просто хотел рассеять все сомнения, доказать себе, что она не Кора, только и всего.

И самый быстрый способ сделать это, как он полагал, состоял в том, чтобы снова пойти в ту пивную и расспросить завсегдатаев.

Но не сейчас.

Мэттисон намеренно выждал несколько дней, чтобы вернуть себе душевное равновесие. Затем он отправился в пивную, где видел девушку пирующей, к счастью, не с каким-нибудь подонком, а со своей подругой. Мужчина, с которым она сидела, был по крайней мере честным трудягой. Мэттисон остановился на пороге «Молнии», окидывая взглядом помещение, пока не заметил мужчин, с которыми девушка, похожая на Кору, была в тот вечер, когда он увидел ее и поцеловал.

Пробормотав проклятие, он подошел к тому самому столику, где сделал эту ужасную глупость. Остановившись, он спокойно подождал, пока мужчины постепенно смолкнут, заметив его присутствие.

Тот, который сидел рядом с Корой и с готовностью бросился ее защищать, лениво поднялся.

– Разве в пятницу мы вам не все объяснили? – медленно произнес он. – Вы не имеете права сюда приходить.

Другие мужчины, сидевшие за столом, вторили ему одобрительным рокотом.

Вместо того чтобы возразить, что он имеет право входить в любое питейное заведение Лондона и вообще куда захочет, лорд Мэттисон невозмутимо ответил, обращаясь исключительно к защитнику Кору:

– Я пришел, чтобы возместить хозяину стоимость всего, что было разбито в драке. И принести вам свои извинения за то, что вторгся на вашу территорию. Девушка, которая была с вами в тот вечер, так похожа на мою бывшую невесту, что на какое-то время... – Он вдруг умолк, слегка пожав плечами. – Надеюсь, вы мне поверите, если я скажу, что не имел намерения оскорбить вашу... жену.

Мэттисон понятия не имел, в каких отношениях рыжеволосая состояла с этими мужчинами. Однако они, не задумываясь, бросились защищать девушку, когда расценили поведение незнакомца как нанесенное ей оскорбление, а значит, она была из их компании. Если он хотел что-нибудь о ней узнать, то начать стоило именно отсюда.

– Мэри мне не жена! – возразил Фред, заливаясь краской оттого, что двое его приятелей захихикали. – Но я же не мог сидеть и смотреть, как ее лапают. Я, конечно, не герцог какой-нибудь, но я не мог!

– Это подло, – сказал другой мужчина. – Пользоваться тем, что она малость не в себе.

– За пять минут до вас Фред пытался ее поцеловать, но Молли нам все объяснила, – сказал третий мужчина.

На мгновение все задумались, а потом расхохотались.

– Она бы вам ноги вырвала! – заявил мужчина, обнимавший подружку Кору, вытирая выступившие от смеха слезы. – Ей вы не смогли бы так врезать, как мне!

Воспользовавшись тем, что напряжение спало, лорд Мэттисон сел за стол и щелкнул пальцами, чтобы его обслужили. После того как он заказал всем выпивку, Фред хлопнул его по плечу:

– Если бы не вы, был бы кто-нибудь другой. По пятницам здесь почти всегда бывает драка.

– И она всегда начинается из-за женщины, – с горечью произнес мужчина, сидевший по другую сторону стола, чьи кулаки произвели такое неизгладимое впечатление на ребра лорда Мэттисона. После этих слов на хмуром лице мужчины расцвела горделивая улыбка. – Должен признать, для джентльмена у вас неплохой удар. Не иначе, как вы ходите в боксерский клуб для джентльменов.

Какое-то время разговор шел о преимуществах науки, которую можно освоить в подобных заведениях, по сравнению с приемами, бывшими в ходу в менее благопристойных районах.

Небольшое затишье наступило, когда официантка принесла поднос с выпивкой. Потом все подняли кружки в знак примирения, и Мэттисон перевел разговор в то русло, которое его интересовало на самом деле.

– Что вы имели в виду, когда говорили о... Мэри... – он заставил себя назвать ее этим именем, хотя сильно сомневался, что оно настоящее. – Что она не в себе?

Они повторили это несколько раз и в основном этому приписывали свой рыцарский порыв.

– Так оно и есть, – ответил тот, который назвался Джо. Лорд Мэттисон с мрачным видом заметил, что его челюсть до сих пор выглядела несколько припухшей. – Она не от мира сего. На работе за ней присматривает моя Молли, но... – Он поднял стакан и сделал большой глоток.

– Она не любит мужчин, – сочувственно заметил Фред. – Не считите за неуважение, сэр, рядом с незнакомыми мужчинами она ведет себя как необъезженная кобылка. Я не мог позволить, чтобы вы так напугали бедную девушку.

– Молли считает, – сказал Джо, поставив свою кружку и с большой аккуратностью повернув ее за ручку, – что над ней кто-то надругался, до того как она попала в Лондон. – Послышался одобрителный рокот. – Мэри никогда об этом не рассказывала. Она утверждает, что до приезда в город почти ничего не помнит. Молли сказала, что раньше она была совсем плоха, гораздо хуже, чем теперь. Головные боли, приступы и все такое.

Лорд Мэттисон похолодел. Девушка не помнила ничего до приезда в Лондон? Шесть лет назад? Не в этом ли причина ее пустого взгляда?

– К ней постоянно вызывали доктора...

– Мадам должна была бы приглашать доктора и к другим тоже, прежде чем выпить из них все соки, – с горечью вставил один из мужчин, сжимая кулаки.

Мэттисон сделал большой глоток из своей кружки, слушая их обличительные речи в адрес старых горгон вроде мадам Скупердяйки, как они ее называли. Девушки часами сидели, склонившись над своей работой, которая губила их зрение, иссушала легкие и дюйм за дюймом искривляла позвоночник.

– И все ради того, чтобы знатные дамы могли одну ночь протанцевать в своих шелковых платьях, – презрительно буркнул Фред. – Им дела нет до того, что с девушками, которым они обязаны своей красотой, обращаются как с рабынями.

– Именно так я сказал бы о той старой стерве, на которую Мэри работает! – возмутился Джо. – Она не должна так плохо обращаться с ними.

«Если эта женщина Кора, – думал лорд Мэттисон, – и даже если она совершила самое худшее, что можно предположить, она уже заплатила за это». Его могло злить ее падение. Она заставила его пройти сквозь ад. Но и у нее было свое чистилище. Мэттисон вспомнил ее усталое лицо, мертвенно-бледное в свете фонарей. Кора всегда была изящной, но в пятницу вечером она показалась ему совсем невесомой. Как будто еще одно несчастье могло окончательно добить ее,

развеять по ветру. И этот пустой взгляд...

– Вам не стоит о ней беспокоиться, – сказал Фред, неправильно истолковав озабоченное выражение лица лорда Мэттисона. – Похоже, ваш поцелуй не сильно ее растрогал.

– Ну, тут, я думаю, джин постарался, – заметил Джо.

«Неужели Кора докатилась до этого? Топила свою печаль в джине, как многие другие работницы?»

Нет. Мэттисон стукнул кружкой по столу. Ее глаза были пустыми. Но не остекленевшими. К тому же в то утро, когда он гнался за ней по Керзон-стрит, она не была пьяна. Он бы догадался. Невозможно так быстро бежать и так ловко лавировать среди толпы, когда разум замутнен алкоголем.

Нет. Пустота в ее глазах имела какую-то другую причину. Эти люди были твердо убеждены, что у нее плохо с головой. И причина крылась в нападении, которое она пережила до приезда в Лондон. В нападении, которое заставило ее бояться мужчин.

Мэттисону показалось, что какая-то железная рука проникла к нему в грудь и сдавила сердце с такой силой, что оно почти перестало биться.

Он знал наверняка всего несколько фактов, связанных с исчезновением Кору. Однажды после полудня она уехала одна верхом, и больше ее никто не видел. Лошадь вернулась в конюшню в страхе, мокрая и вся облепленная листьями на взмыленных боках. Сначала все решили, что произошел несчастный случай. И только когда после нескольких дней отчаянных поисков они не обнаружили никаких следов Кору, Робби обвинил его. После этого, вместо того чтобы объединить усилия и расширить территорию поисков, они жестоко поссорились.

Мэттисон часто думал, что, если на Кору напали, чтобы ограбить? Но грабители наверняка оставили бы ее лежать в лесу, где совершили свое преступление. Эта версия никак не вязалась с ее появлением в Лондоне.

На душе у него стало тошно. Если эта женщина Кора, то она исчезла из поместья и спустя несколько недель появилась в Лондоне настолько потрясенной тем, что с ней произошло, что ее память так и не восстановилась.

Мэттисону стало стыдно за то слабое удовлетворение, которое он ощутил от мысли, что кто-то мог захватить ее, жестоко воспользоваться, а затем избавиться от нее. Потому что в таком случае, как ни ужасно, это означало, что Кора бросила его не по своей воле.

Ее похитили. Но сама она не хотела уезжать.

Все, что осталось у него после исчезновения Кору, – это уверенность в том, что она не могла бросить его. И теперь, если эта женщина была...

Лорд Мэттисон глубоко вдохнул и закрыл глаза от охватившего его чувства, которое он даже не знал как назвать.

Прошло так много времени с тех пор, как он запретил себе испытывать какие-нибудь чувства. Все последние семь лет только жесткий самоконтроль позволял ему вести более или менее нормальную жизнь. Однако, стоило ему напиться и ополчиться на судьбу, он, словно штыком, проткнул покрытую ледяной коркой поверхность, из-под которой на него хлынули столько лет подавляемые чувства.

Возможно, ему следовало напиться много лет назад. Оплакаться Кору. Отпустить ее.

Но он не был готов к этому.

Лорд Мэттисон решительно стиснул зубы. Он по-прежнему не был готов отпустить Кору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Ф а р л о н г – британская единица измерения длины, равная 220 ярдам (201 м).

Купить: https://tellnovel.com/ru/berrouz_enni/svad-ba-v-zamke-kingsmid

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)